

М.А. Дэвлет

Петроглифы Алды-Мозага.

// Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск: 1989. С. 42-59.

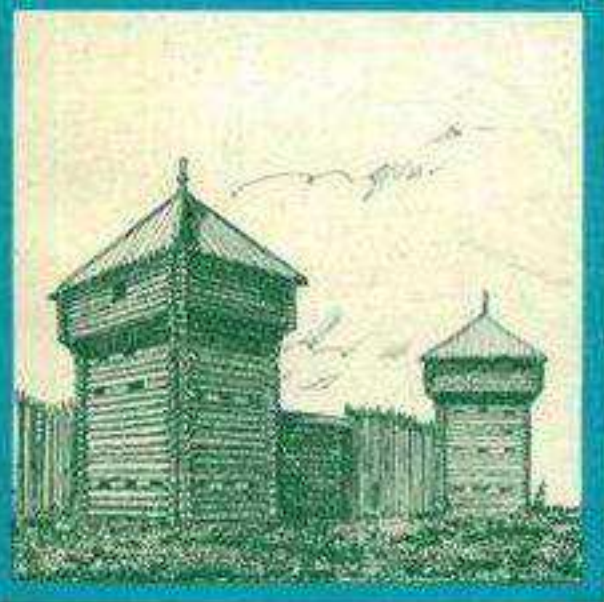
Освоение Сибири древним человеком заняло несколько тысячелетий. Однако уже с первых шагов хозяйственное освоение территории, как это сейчас убедительно доказано во многих работах, сопровождалось культурным. Древний человек, развивая производительные силы, начинал не только приспосабливаться (42/43)

к природе, но и постепенно преобразовать её. Однако, в силу ещё пока примитивного состояния техники и орудий труда, это преобразование природы выливалось не только и не столько в изменении её облика, сколько в первых попытках человека осмыслить себя и своё место в данном мире. И первые рисунки, и петроглифы древнего человека являются зримым памятником хозяйственного освоения Сибири, ибо они отражают то состояние общества, в котором жил древний художник.

Наскальные изображения Саянского каньона Енисея получили известность в научной литературе сравнительно недавно. Местонахождение петроглифов Алды-Мозага (Нижний порог) расположено в Саянском каньоне на правом берегу Енисея, в устье его притока р. Чинге (рис. 1). На противоположном низком и регулярно подтопляемом берегу Енисея находится древнее урочище Мугур-Саргол, получившее известность благодаря замечательным наскальным рисункам, выбитым на прибрежных скалах. Выше по течению Улуг-Хема на левом берегу р. Чинге над Чингенской воронкой круто спускаются в воду отвесные склоны горы Устю-Мозага (Верхний порог), высота которой превышает 50 м. На ней также сосредоточено значительное скопление петроглифов.

Наскальные изображения на горе Алды-Мозага были открыты в ходе изыскательских работ в зоне будущего водохранилища проектируемой гидроэлектростанции на Енисее. Данное местонахождение, как и многие другие памятники, обнаружил в 1956 г. С.В. Макаров, аспирант математико-механического факультета ЛГУ, в то время техник-топограф Верхне-Енисейского геодезического отряда экспедиции № 7 Ленинградского отделения Гидроэнергопроекта. Он сразу же включился в поиски памятников древности. В ходе обследования и топографической съёмки берегов Енисея он одновременно знакомился с археологическими памятниками, выявлению которых посвятил всё свободное от выполнения служебных обязанностей время.

ПАМЯТНИКИ быта и хозяйственное освоение СИБИРИ

Первыми наскальными изображениями, которые встретились С.В. Макарову на пути, были фигуры животных на валуне у воды на левобережье Енисея у Сингенской воронки. Их обнаружили 6 июля 1956 г. во время обследования берегов Енисея ниже устья его левого притока р. Хемчик. Спустя два дня на пути в пос. Чаа-Холь С.В. Макаров и два его спутника причалили к правому берегу Енисея около устья р. Чинге. На восточном склоне горы Алды-Мозага ими был заложен репер. Здесь же у подножия горы Алды-Мозага С.В. Макаров обнаружил на берегу Енисея камень, испещрённый петроглифами. В его дневнике появилась запись: «На камне (восточная сторона) выдолблено изображение: два человеческих лица, вокруг два козла, что-то вроде собаки, длинные рога козла, кружочки и пр. — работа первобытного суеверного охотника». [1] По описанию, приведённому в дневнике, можно безошибочно узнать наскальные рисунки на обломке скалы, которому в дальнейшем в ходе наших работ по индексированию камней с изображениями был присвоен седьмой номер. [2]

(43/44)

Рис. 1. Алды-Мозага. Прибрежные скалы с петроглифами.

Далее последовали открытия местонахождений петроглифов Улуг-Хая, Бижиктиг-Хая, Кара-Тал. Позднее, 10 августа, проплывая на лодке мимо устья р. Чинге, С.В. Макаров на противоположном берегу на левобережных скалах заметил, как он констатировал в дневнике, «человеческие рожи, выбитые довольно резко...». Он обратил внимание на то обстоятельство, что изображения «обращены к воде, похожи на лица, срисованные на валуне в устье Чинге на правом берегу». Это были личины-маски

(44/45)

Мугур-Саргола. Лишь 17 августа С.В. Макаров высадился здесь на берег вместе с рабочим своей бригады В.Д. Евтифьевым. Так состоялось открытие уникального местонахождения петроглифов — древнего святилища Мугур-Саргол, материалы которого в настоящее время полностью опубликованы, [3] а камни с изображениями частично вывезены за пределы зоны затопления.

Копии петроглифов Саянского каньона С.В. Макаров выполнял в нескольких экземплярах и передавал специалистам. Один комплект копий он вручил в том же 1956 г. А.Д. Грачу, а другой спустя несколько лет — А.П. Окладникову.

В 1965 г. была создана Саяно-Тувинская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, её возглавил А.Д. Грач. Перед участниками экспедиции стояла задача всестороннего исследования памятников древности, расположенных в зоне будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС.

В 1974 и 1975 гг. на правом берегу Енисея базировалась группа Института археологии АН СССР, занимавшаяся копированием наскальных рисунков. С этого времени на памятнике Алды-Мозага отряд по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции регулярно производил работы параллельно с фиксацией наскальных изображений в других пунктах (Мугур-Саргол, «дорога Чингисхана», Ортаа-Саргол, Бижикиг-Хая, Устю-Мозага, Мозага-Комужап и др.). Наиболее яркие материалы, полученные в 1974 и 1975 гг. в результате наших работ по копированию наскальных рисунков на местонахождении Алды-Мозага, были опубликованы в книге, посвященной петроглифам Верхнего Енисея, который в пределах Тувы носит местное название Улуг-Хем. [4]

Гора Алды-Мозага высотой около 25 м протянулась вдоль Енисея. Её восточный склон круто обрывается к устью р. Чинге. Южный склон ниже впадения в Енисей р. Чинге отвесный, затем он становится относительно пологим, гора как бы отступает от реки, и ниже по течению в воду уходят основанием огромные скальные глыбы, регулярно затопляемые в период половодья. С северной и западной стороны к подножию горы примыкает прибрежная долина с древними курганами, изрезанная сетью пересохших русел давно уже не функционирующей оросительной системы.

На горе Алды-Мозага зафиксировано и описано свыше 150 камней с изображениями. Рисунки создавались начиная с эпохи бронзового века вплоть до этнографической современности. На скалах представлены как отдельные фигуры, главным образом изображения животных, так и целые композиции, где хищники преследуют копытных, люди охотятся, совершают культовые действия и др.

В ходе работ на скалах Алды-Мозага была открыта серия новых незамеченных в первые годы работы на памятнике петроглифов, находящихся на казалось бы хорошо обследованных участках. Это прежде всего рисунки трудноразличимые, еле заметные, выполненные тончайшими резными линиями. Было установ-

(45/46)
лено, что древние художники в ряде случаев тонкой резной линией намечали абрис фигуры, а затем уже забивали пространство внутри контура точечными ударами. Так было, к примеру, с изображениями на камне №17. Выбитые в точечной технике петроглифы были скопированы в 1974 г. и опубликованы. [5] Спустя десять лет изображения скопировали повторно. При этом удалось выявить незамеченные ранее еле различимые фигуры, нанесённые тончайшей резной линией, здесь же были обнаружены первоначальные линии абриса впоследствии забитых точечными ударами рисунков (рис. 2).

Расположение памятников Алды-Мозага и Мугур-Саргол в непосредственной близости, но на разных берегах бурной реки, естественно, вызывает необходимость определения хронологического соотношения памятников и постановки вопросов, связанных с их культурно-исторической атрибуцией. Не приходится отрицать, что часть петроглифов горы Алды-Мозага, безусловно, синхронна основному, раннему пласту наскальных изображений Мугур-Саргола, хотя вряд ли можно считать эти два местонахождения единым комплексом. Памятники близки по времени и сюжетам петроглифов, но различия в них тоже достаточно ощутимы.

Специфическими сюжетами, свойственными спятидну Мугур-Саргол, являются изображения диких масок

Специфическими сюжетами, свойственными святилищу Мугур-Саргол, являются изображения личин-масок, прямоугольных жилищ с примыкающими к ним загонами, а также ямок-лунок и чашеобразных углублений. Иногда все три характерных сюжета встречаются в композиционной связи на одной скальной плоскости. В особенности интересно с этой точки зрения изображение личины на камне № 358 Мугур-Саргола. [6] Отличительной особенностью рассматриваемой личины является завершение одного рога окружностью с ямкой-лункой в центре, другого — квадратом, который трактуется как изображение жилища в плане. Этот своеобразный рисунок сам по себе является веским доказательством одновременного существования всех трёх сюжетов — личин-масок, жилищ, а также окружностей с ямками-лунками в центре, которые составляют наиболее древний пласт из датированных петроглифов Мугур-Саргола.

Если на левобережье на святилище Мугур-Саргол около 250 личин, то среди петроглифов Алды-Мозага их менее 40 (рис. 3-[4]-5). Однако главное различие заключается не в количестве масок, а в их типологических характеристиках и в расположении на скалах. Характерную особенность личин Мугур-Саргола составляет их топография. Личины находятся по преимуществу близ воды и на тех плоскостях, которые обращены к Енисею, так что создаётся иллюзия созерцания личиной водной стихии. На местонахождении Алды-Мозага часть личин расположена таким же образом, у воды «лицом к реке». Однако имеется ряд изображений, находящихся в удалении от реки или высоко над Енисеем.

Необычно положение личин над высоким обрывистым берегом на камне №19. В данном случае плоскость, на которую были на-

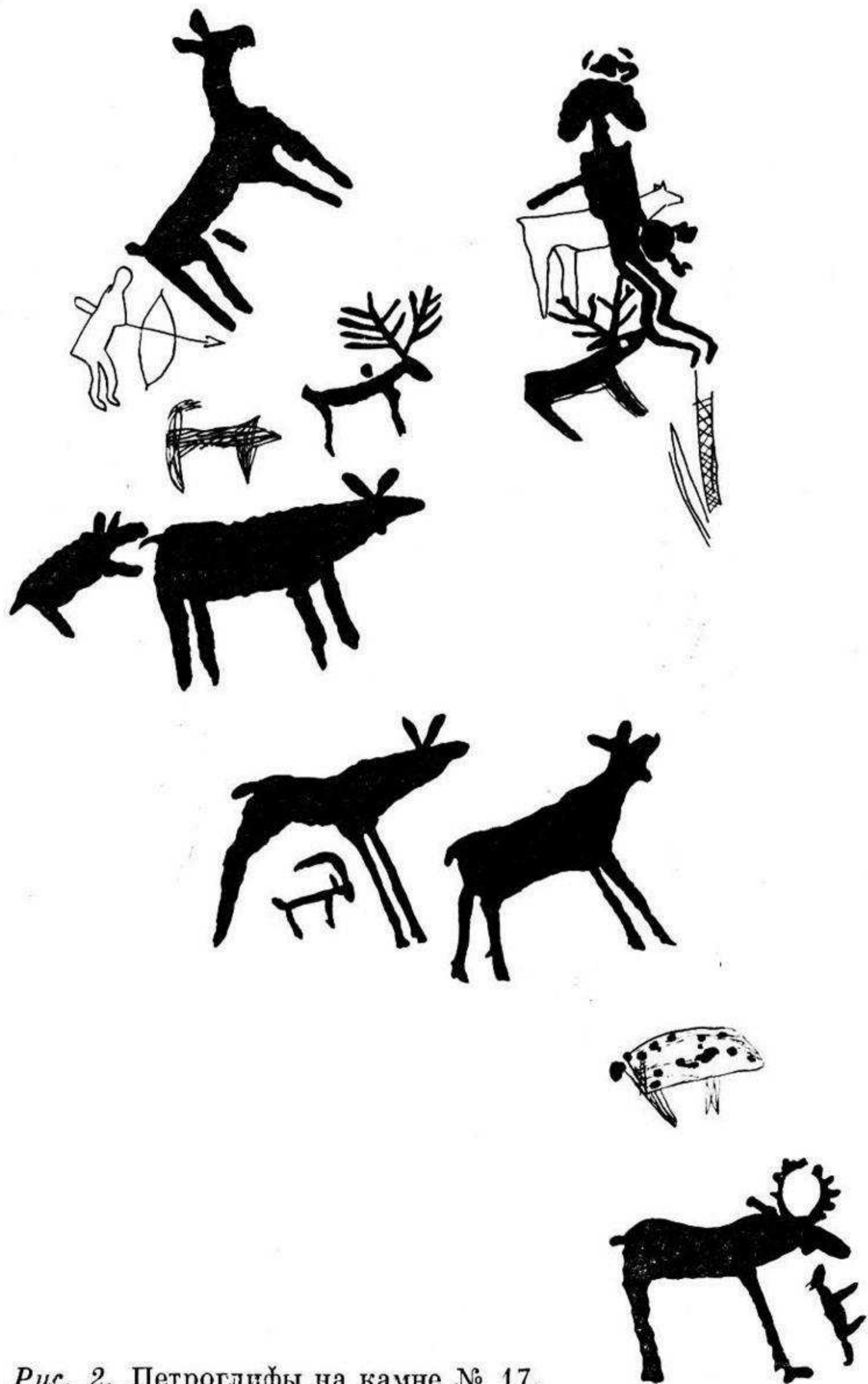
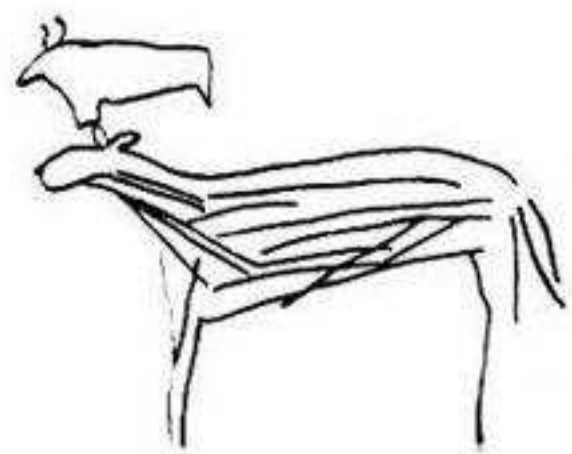

Рис. 2. Петроглифы на камне № 17.

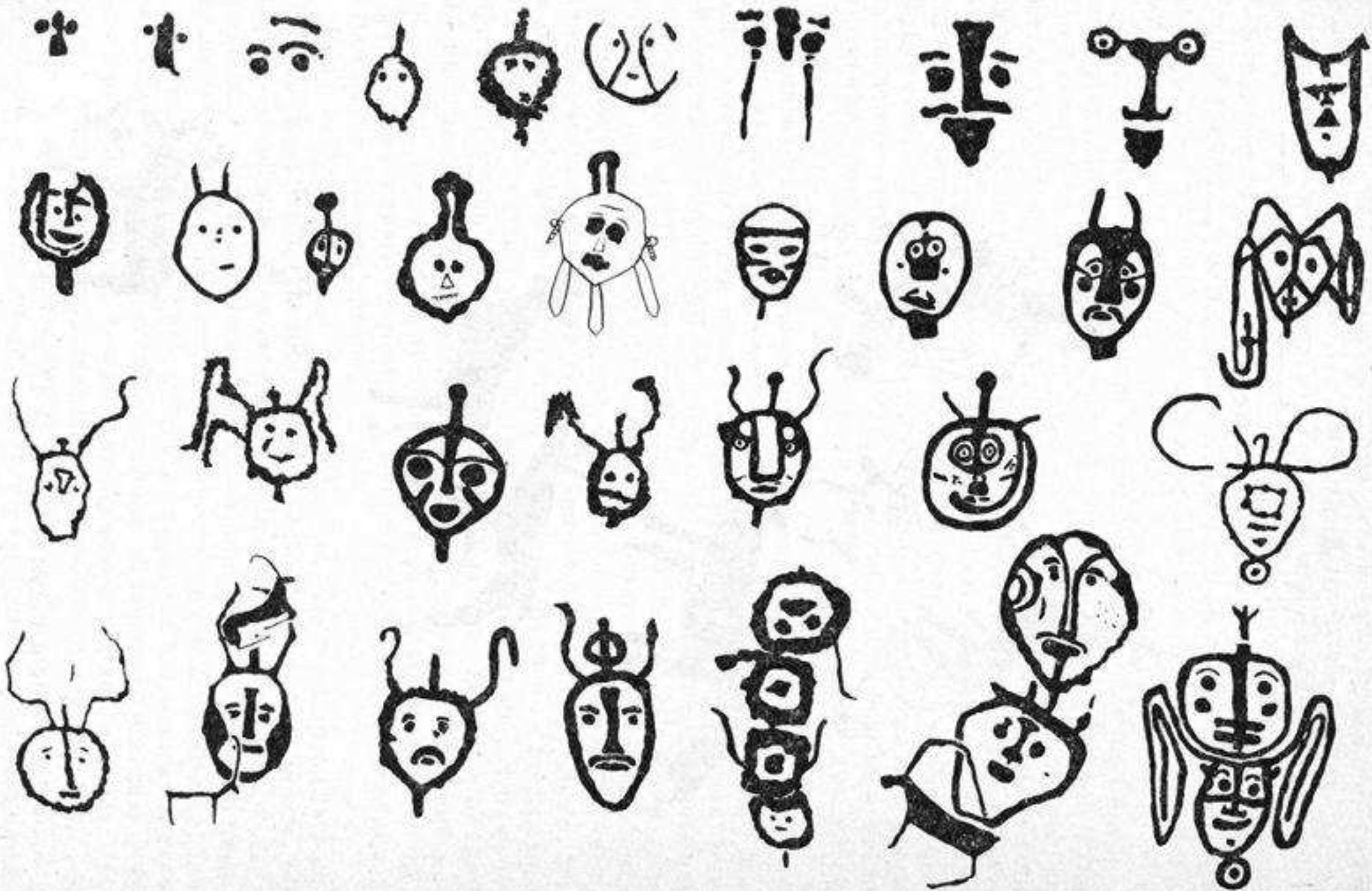

Рис 3. Личины Алды-Мозага.

несены изображения, имеет наклон не в сторону Енисея, а в противоположную, к горе Алды-Мозага. В силу этого обстоятельства древний мастер, чтобы в какой-то мере добиться эффекта «созерцания» реки, придал личинам противоестественное положение: макушками вниз. Вероятно, здесь сохраняется та же закономерность, что и на святилище Мугур-Саргол: чем ближе личины-маски расположены к воде, тем они древнее. Видимо, первоначально были созданы личины, находящиеся непосредственно у воды и глядящие незрячими глазами на реку.

Представляется, что только эта часть личин-масок Алды-Мозага синхронна мугур-саргольским, в целом же личины на правобережье Енисея были созданы в более позднее время. Как правило, это своеобразные индивидуальные формы, не находящие ана-

Рис. 4. Алды-Мозага. Личина.

Рис. 5. Алды-Мозага. Личина.

логий среди многочисленных личин Мугур-Саргола. В числе личин, расположенных в удалении от реки, имеется одна парциальная, у которой очертания глаз и носа напоминают контуры повозки, и если бы не выбитый треугольник под носом, её можно было бы принять за изображение колёсного транспорта — повозки. В наибольшем удалении от воды находится камень №105. Личины на нём, по всей вероятности, значительно моложе мугур-саргольских и составляют наиболее поздний пласт личин-масок горы Алды-Мозага. Об этом можно судить и по изображению лошади под седлом и со стременами, соединённой линиями с расположенными слева и справа от неё личинами (рис. 6). Здесь же

(50/51) находится один из наиболее причудливых рисунков — двойная личина с подобием крыльев по бокам (рис. 7, 1).

На вершине горы Устю-Мозага также имеется несколько изображений личин. У одной из них по бокам головы показаны петли для привязывания маски к лицу. Это уже другая система крепления маски по сравнению с тем, что мы видели на петроглифах Мугур-Саргола и горы Алды-Мозага.

Головные уборы в виде рогов и со стержнем-отростком на макушке венчают головы антропоморфных фигур и сопровождают маски-личины, представленные на скалах Саянского каньона Енисея, Бижикиг-Хая близ пос. Кызыл Мажалык и в других местах. В древности подобные головные уборы использовались во время церемоний и обрядов, впоследствии вошедших в ламаистскую мистику [7]

Как известно, северный буддизм-ламаизм при распространении его в Центральной Азии воспринял и впоследствии трансформировал древние религии, культы и обряды, его пантеон был расширен за счёт ламаизированных местных духов и божеств. Согласно легенде, некоторые из докшитов первоначально были демонами, после того как Падмасамбхава укротил их, они приняли буддизм и стали докшитами — яростными охранителями буддийского учения. Можно предполагать, что при распространении буддизма в глубинных районах Центральной Азии древние местные божества, духи-предки и т.д., культ которых нашёл отражение в изображении на скалах масок-личин в рогатых головных уборах,

Рис. 6. Фрагмент рисунка на камне № 105.

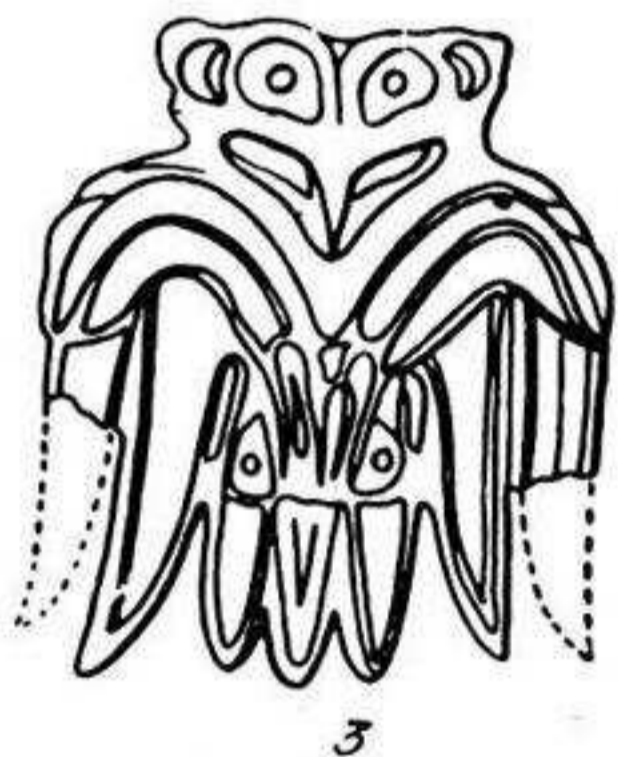
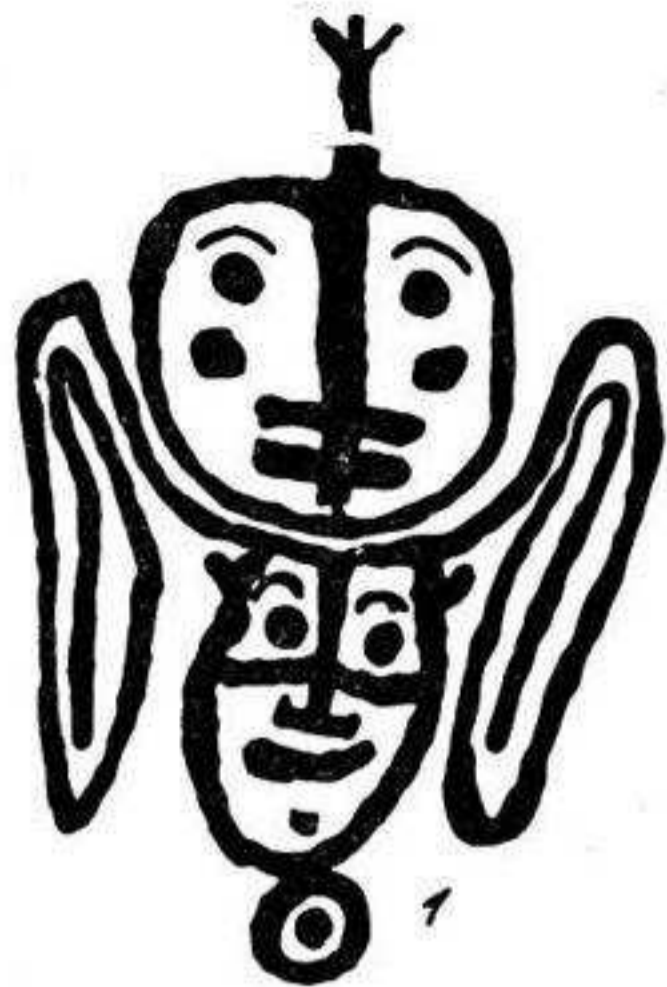

Рис. 7. Двойная личина с «крыльями» с. Алды-Мозага (1) и произведения мелкой металлической пластики — литые бронзовые пластины (по А. П. Смирнову) (2—6).

воспринимались буддийскими проповедниками как враждебные силы, злые демоны. В дальнейшем северный буддизм-ламаизм, ассимилируя местные добуддийские культы, включил их в свой пантеон, возведя в разряд божеств — докшитов. Этим, на мой взгляд, и объясняется типологическая близость изображений местных духов-предков на скалах Саянского каньона, с одной стороны, и ритуальных масок, представляющих ламаистские божества, — с другой.

(52/53)

На вопрос о том, когда и на какой территории могли произойти контакты носителей древних обрядов с буддийским миром, в результате которых первобытная мистерия была ламаизирована, при современном уровне наших знаний ответить трудно.

Новейшие исследования наскальных изображений, проведённые пакистанско-западногерманской экспедицией под руководством К. Йеттмара и А. Дани в верховьях р. Инд, [8] как будто указывают с определённой долей вероятности на одну из возможных территорий, на которой могли иметь место подобные контакты. В верховьях р. Инд высоко в горах на скалах представлены древнейшие буддийские изображения, а также личины. Мотивы и стилистические особенности древнейшего комплекса, по мнению К. Йеттмара, связаны с культурой окуневского круга. В качестве аналогов личинам он приводит мугур-саргольские личины-маски. [9] К. Йеттмар пишет: «Без знакомства с работами советских учёных был бы невозможен и другой мой труд, интерпретирующий наиболее ранние группы наскальных изображений. Я следил за усилиями советских коллег, старавшихся разгадать захватывающую, но загадочную символику окуневской культуры. Именно поэтому я сразу же насторожился, увидев на скалах напротив Чиласа похожее на маску условное изображение человеческого лица. Казалось, что оно взято из репертуара человеческих изображений окуневской культуры». [10] Одна из опубликованных К. Йеттмаром личин, весьма сходная с мугур-саргольскими, имеет на голове помимо рогов выступ на макушке. Однако отличие от мугур-саргольских, увенчанных Ф-образными антеннами, по форме сходными с очиром или ваджарой, между рогами этой личины имеется выступ, напоминающий ушнишу на голове буддийских божеств. К. Йеттмар приходит к выводу, сходному с тем, который мы сделали на основании анализа тувинских материалов: «...буддисты собирались для своих благочестивых дел там, где раньше существовало культовое место. Можно предполагать, что при этом имелись в виду также и старые божества; вероятно, они и в дальнейшем считались покровителями, покорёнными и поставленными на службу новому учению». [11] Открытия в верховьях Инда позволяют надеяться, что в дальнейшем будут выявлены и другие центры, где в древности могли иметь место контакты буддийского мира с населением, использовавшим в культовых целях роговые демонические маски.

Другая линия сопоставлений изображений личин-масок горы Алды-Мозага имеет уже не южное направление, а западное. Самым западным местонахождением петроглифов, среди которых встречаются личины-маски, является Вишерский Писаный камень на Урале. [12] Новые исследования петроглифов Сибири позволяют аргументировать предположение о возможности датировать антропоморфные личины Писаного камня на р. Вишере бронзовым веком. К этому же времени, надо полагать, относятся и другие антропоморфные изображения этого местонахождения. Глубинная подоснова духовной культуры древнего населения Урала и Сибири наш-

Рис. 8. Изображения козлов.
1 — камень №39; 2 — камень №80.

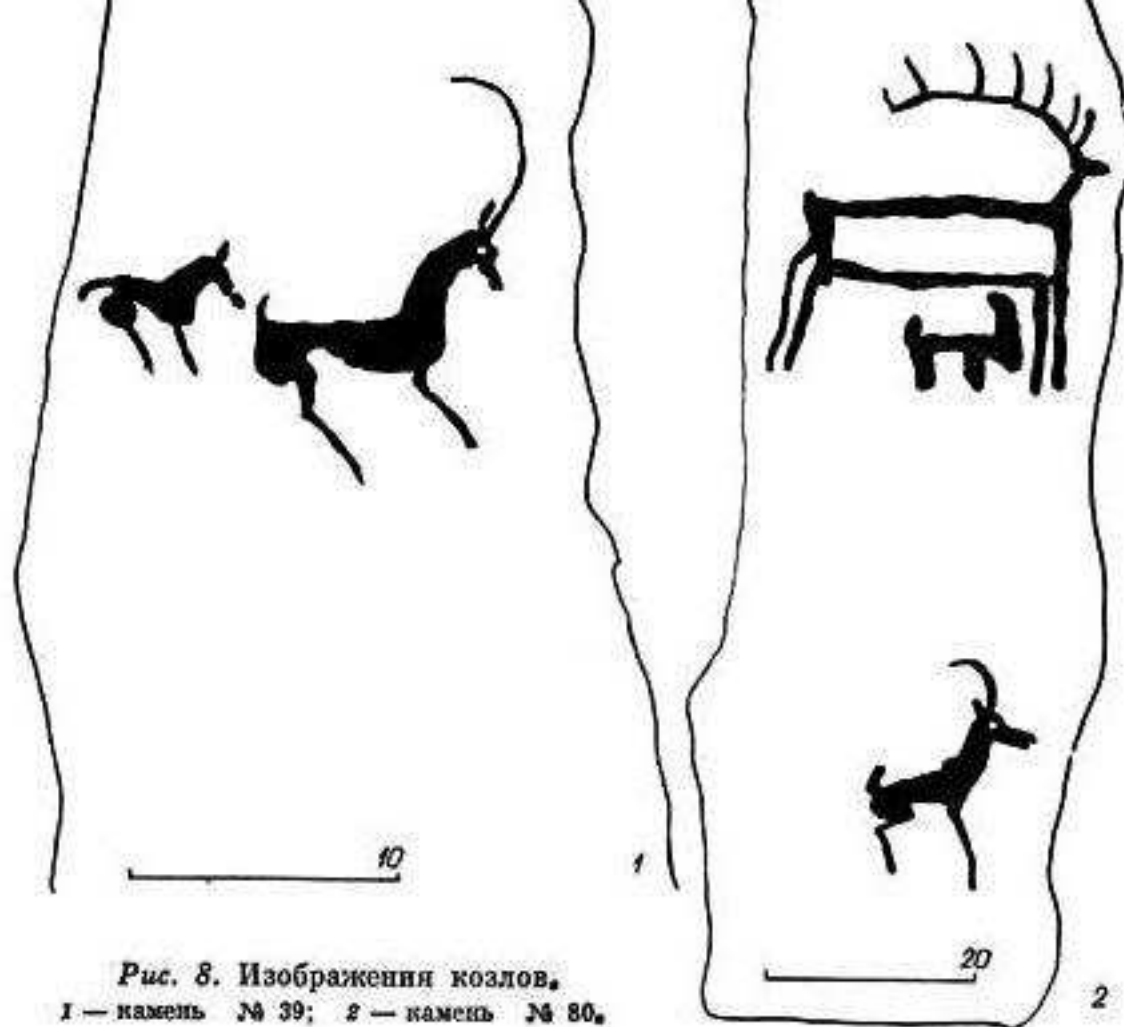

Рис. 8. Изображения козлов.
1 — камень № 39; 2 — камень № 80.

ла проявление не только в обычае изображать на прибрежных скалах личины-маски, но и в создании произведений мелкой металлической пластики в виде плоских литых бронзовых пластин с изображением человека, птиц и зверей. Единство образов и сюжетов, стилистических особенностей культового литья древних народов лесной полосы Урала и Западной Сибири отражает единство духовной культуры, религиозных воззрений населения, является свидетельством древних культурных связей. [13] Произведения мелкой металлической пластики, «чудские образки», как их называли в прошлом, представляют широкое поле для сопоставления с наскальными рисунками.

Отмеченные черты единства духовной культуры древних народов Урала и Сибири по материалам петроглифов, а также лесной полосы Урала и Западной Сибири по материалам культового литья позволяют сопоставить изображения на скалах Верхнего Енисея и литые бронзовые шаманские бляшки с Урала и из Западной Сибири. Я имею в виду рисунок двойной личины с «крыльями» по бокам, обнаруженный на горе Алды-Мозага. Представляется, что этот рисунок находит аналогии в изображениях птицы с человеческой личиной на груди — представляющих один из самых характерных сюжетов так называемых шаманских блях [14] (см. рис. 7).
(54/55)

Рисунки жилищ, изображённых в плане, и ямки-лунки в целом не характерны для петроглифов Алды-Мозага. Здесь имеется только одно изображение жилища на камне № 50, тогда как на святилище Мугур-Саргол известно около 100 таких рисунков. Упомянутое изображение жилища встречено в сочетании с символом солнца — тремя concentрическими окружностями с точкой в центре и намеченными отростками-лучами.

Чашеобразные лунки глубиной более 1 см, встречающиеся на святилище Мугур-Саргол и на скалах Бижикиг-Хая на правом берегу Енисея, для петроглифов Алды-Мозага не характерны, так же как и окружности с ямками-лунками в центре. Здесь в небольшом количестве встречаются точечные углубления или «пятна» — скопления отдельных точечных ударов, образующие фигуры округлой формы. Полученные путём удаления лишь верхнего слоя скальной корки, в отличие от ямок-лунок и чашеобразных углублений, «пятна» и точечные выбоины малорельефны. Расшифровка семантики этих фигур зависит в каждом случае от конкретного контекста.

Самым обычным, наиболее часто встречающимся сюжетом петроглифов горы Алды-Мозага, так же как и других местонахождений Саянского каньона, являются горные козлы. На местонахож-

дении Алды-Мозага они изображены в основном схематически, условно. Своеобразную группу составляют рисунки скифского времени. Козлы изображены в позе «внезапной остановки» с обозначенным круглым глазом (рис. 8). Они встречаются наряду со столь характерными для центрально-азиатского наскального искусства фигурами оленей, выполненными в стиле оленных камней.

На горе Алды-Мозага чаще, чем на других местонахождениях Саянского каньона, древние художники выбивали фигуры быков с поклажей на спине (рис. 9-[10]-11). Вьюки таких же очертаний, как и представленные на скалах, можно и ныне увидеть в этом районе на спинах быков во время перекочёвок скотоводов.

На прибрежном скальном выходе зафиксирована, на мой взгляд, самая совершенная в художественном отношении композиция гуннского времени, на которой в образной форме представлен круговорот жизни. В верхней части с востока, символизирующего начало жизни, на запад, ассоциирующийся с её угасанием, смертью, мчатся животные в окружении солярной символики, подчёркивающей смысл всей композиции. Внизу, где движение идёт в

Рис. 9. Рисунки на камне № 110.

Рис. 10. Фигура быка с поклажей на спине. Камень № 110.

дени Алды-Мозага они изображены в основном схематически, условно. Своеобразную группу составляют рисунки скифского времени. Козлы изображены в позе «внезапной остановки» с обозначенным круглым глазом (рис. 8). Они встречаются наряду со столь характерными для центрально-азиатского наскального искусства фигурами оленей, выполненными в стиле оленных камней.

На горе Алды-Мозага чаще, чем на других местонахождениях Саянского каньона, древние художники выбивали фигуры быков с поклажей на спине (рис. 9-[10]-11). Вьюки таких же очертаний, как и представленные на скалах, можно и ныне увидеть в этом районе на спинах быков во время перекочёвок скотоводов.

На прибрежном скальном выходе зафиксирована, на мой взгляд, самая совершенная в художественном отношении композиция гуннского времени, на которой в образной форме представлен круговорот жизни. В верхней части с востока, символизирующего начало жизни, на запад, ассоциирующийся с её угасанием, смертью, мчатся животные в окружении солярной символики, подчёркивающей смысл всей композиции. Внизу, где движение идёт в противоположном направлении, представлен невидимый подземный мир, недаром здесь изображён житель подводного мира — хариус (рис. 12).

Среди антропоморфных изображений выделяются фигуры в широкополых шляпах. В единственном случае шляпа не обозначена, а сама голова непропорционально большая (рис. 13). Фигуры изображены в определённой позе: туловище в фас, согнутые в коленях ноги в профиль, часто с оттянутыми вниз носками, в одной руке человек держит лук, а другая на поясе, у бедра висит предмет по большей части округлых очертаний, в одном

Рис. 11. Петроглифы на камне № 116.

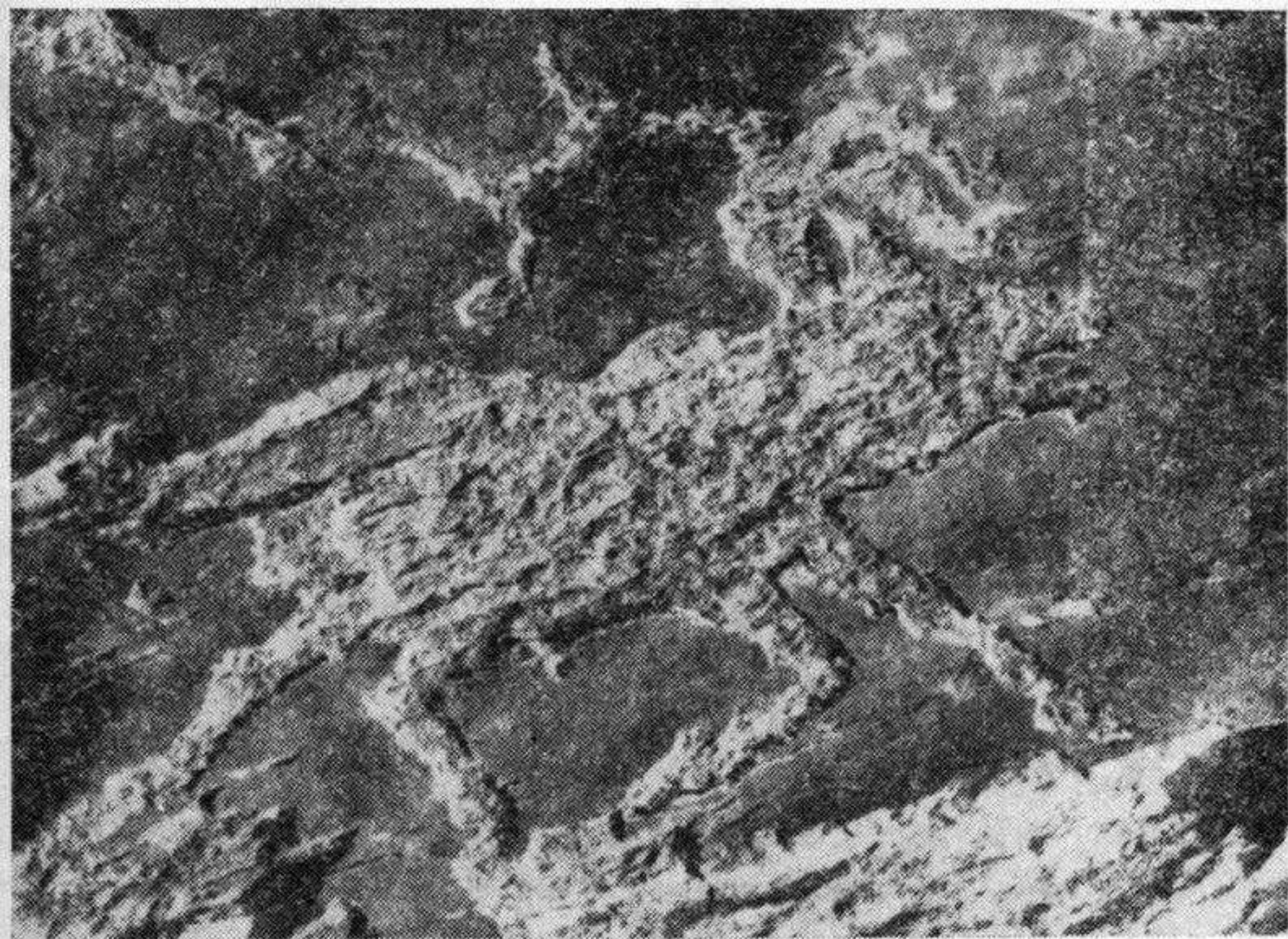

Рис. 12. Фрагмент композиции на камне № 40.

противоположном направлении, представлен невидимый подземный мир, недаром здесь изображён житель подводного мира — хариус (рис. 12).

Среди антропоморфных изображений выделяются фигуры в широкополых шляпах. В единственном случае шляпа не обозначена, а сама голова непропорционально большая (рис. 13). Фигуры изображены в определённой позе: туловище в фас, согнутые в коленях ноги в профиль, часто с оттянутыми вниз носками, в одной руке человек держит лук, а другая на поясе, у бедра висит предмет по большей части округлых очертаний, в одном

случае этот предмет как будто висит на руке человека (рис. 14). Петроглифы Алды-Мозага составляют неотъемлемую часть общей сокровищницы наскального искусства нашей страны. (58/59)

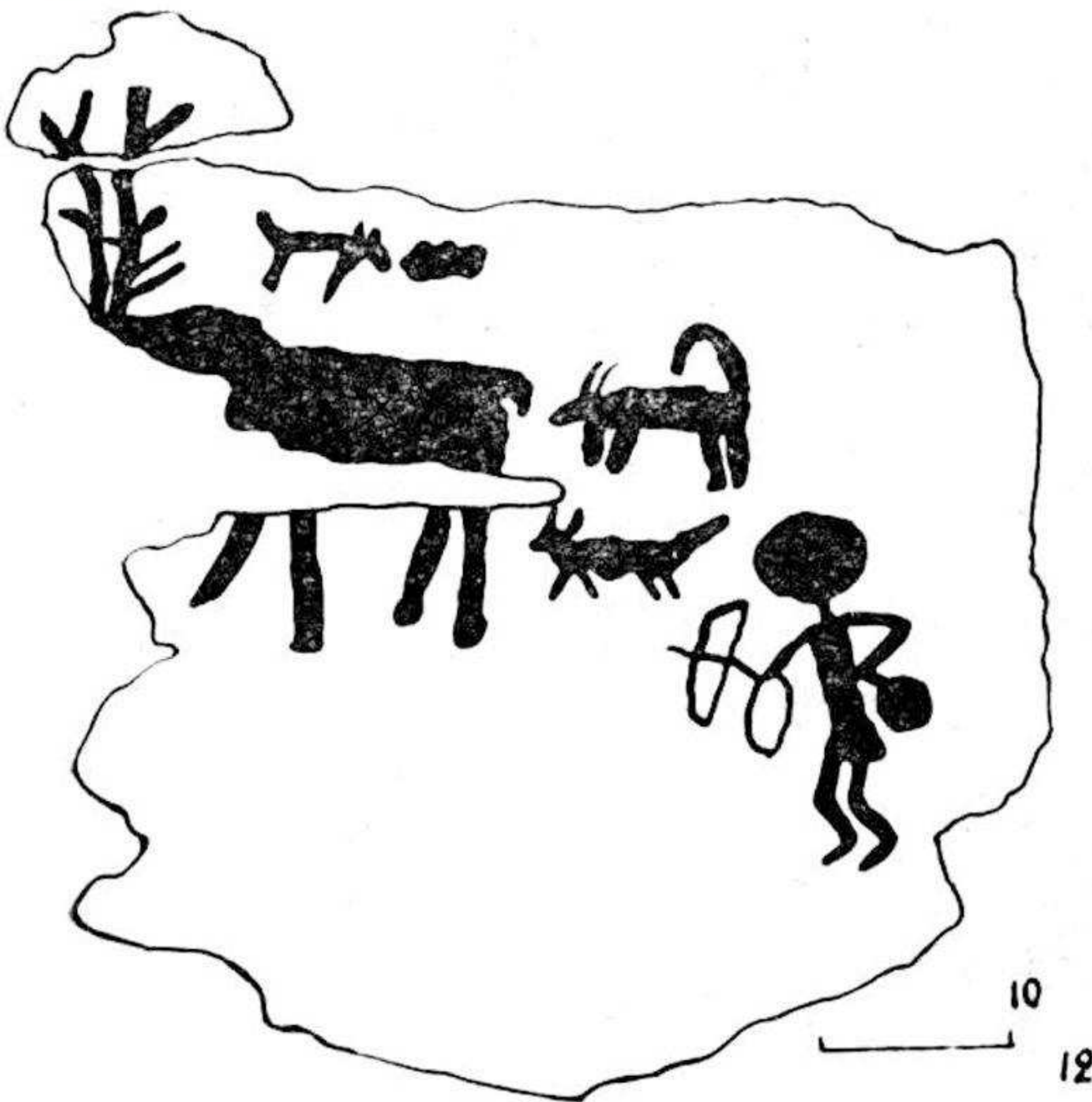

Рис. 13. Петроглифы на камне № 127.

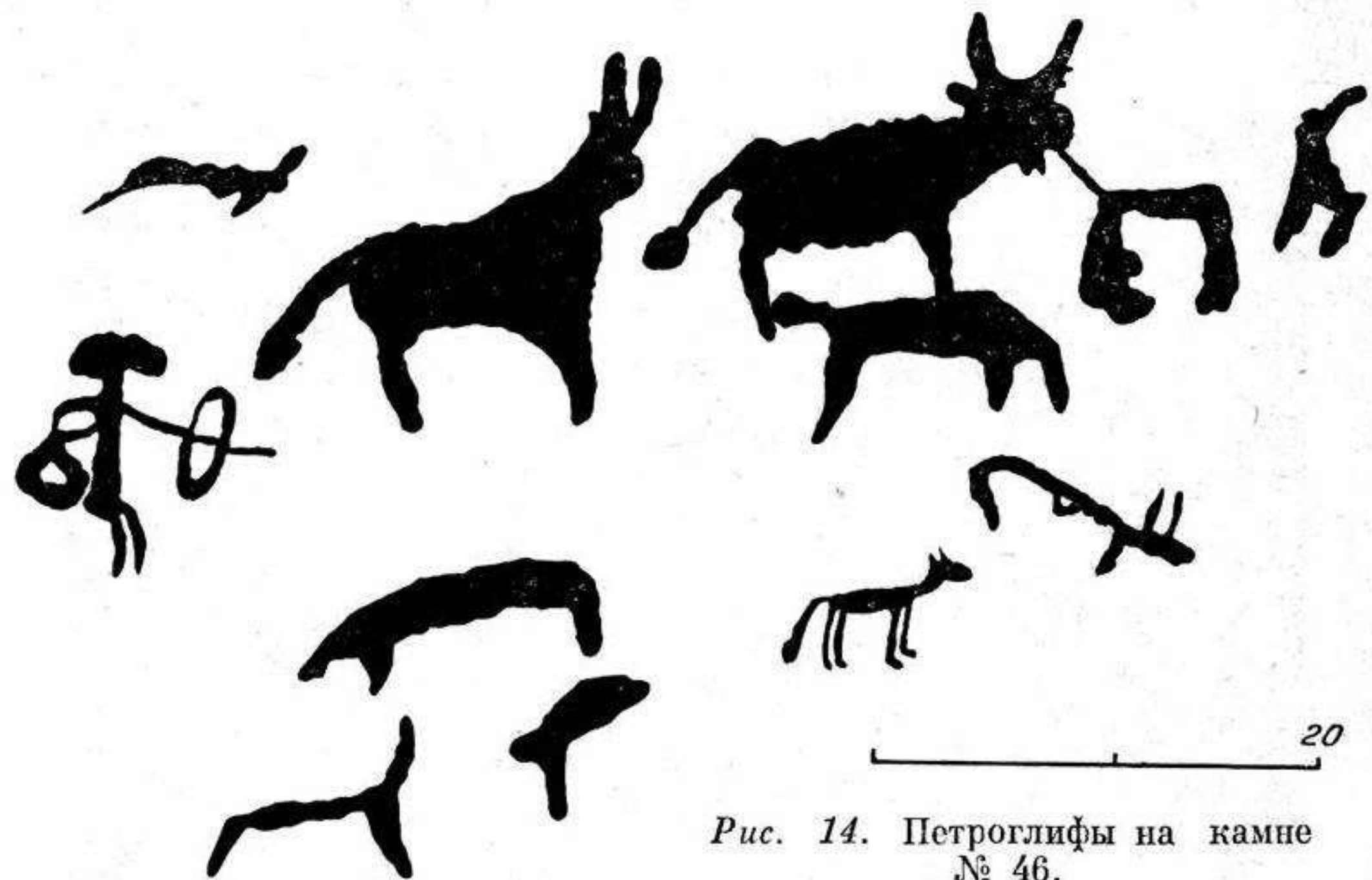

Рис. 14. Петроглифы на камне
№ 46.